

СВОБОДА ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Неюридические термины, использованные законодателем, дают излишний простор правоприменителям

■ **Анатолий СЕМЯЧКОВ**, частный врач, судебно-медицинский эксперт (г. Тюмень)

В статье показано, как, не выходя за рамки закона, следователь и судья опирались на экспертизы, содержащие диаметрально противоположные выводы о состоянии здоровья сначала подсудимого, а затем подсудимого.

Смысл правовой нормы

В соответствии с ч. 1 ст. 17 УПК РФ судья... следователь оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Основополагающий принцип уголовного судопроизводства сформулирован с использованием неюридических терминов. Решение вопроса об их интерпретации законодатель возложил на правоприменителей.

Общепотребительные слова и врачу доступны. Поэтому рискну разобраться, в чем же заключается свобода оценки доказательств.

1. Убеждение должно быть основано на совокупности доказательств. Убеждение — прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-нибудь, точка зрения (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка). Таким образом, чтобы основать убеждение, сначала надо оценить совокупность доказательств. А как оценивать совокупность, не имея своего внутреннего убеждения?

Только на основании знаний! Но о них закон не упоминает.

2. Обозначение убеждения как «своего внутреннего», очевидно, предполагает дистанцирование от чужого наружного. УПК РФ разрешает мнение начальников и взяткодателей игнорировать. Практики-то знают, как чужое наружное мнение трансформируется в свое внутреннее.

3. При оценке доказательств следует руководствоваться совестью. Совесть — нравственное сознание, чутье или чувство (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка). Полагаю, что законодатель имеет в виду какую-то процессуально-должностную совесть, никем не регламентированную. Поэтому, например, совесть следователя ликует от избытка имеющихся в уголовном деле доказательств, обвинительного заключения и полученной премии, а судья выносит по этому же делу оправдательный приговор, не испытывая угрызений совести.

4. Бросается в глаза безалаберщина: «...Оценивают доказательства по... убеждению, основанному на совокупности... доказательств». По-иному, предлагают оценить доказательства по доказательствам. Надо полагать, уже оцененным, и тоже по своему внутреннему убеждению. Этакая пирамида доказательств, верхние из которых — самые доказательные.

5. Украшает весь этот хаос заголовок статьи — «Свобода оценки доказательств». Свобода — возможность действовать по-своему (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка). В этом смысле свобода прекрасно сочетается с внутренним убеждением и совестью. Удивительно, что здесь же поминают закон.

6. А чем руководствуются защитники, собирающие и предоставляющие доказательства (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ)? Прежде чем их предоставить, надо же их оценить!

Не осилил я этот законодательный изыск. Мешают 20 лет советского образования и 40 лет судебно-медицинского экспертного стажа.

Погружение в историю вопроса только огорчает: до 2001 г. эквивалентом свободы, убеждения и совести было социалистическое правосознание (ст. 16 УПК РСФСР). Неизвестно, что лучше!

А тут еще зарубежные голо- са двухсотлетней давности:

■ «Законы пишутся для обыкновенных людей, поэтому они должны основываться на обыкновенных правилах здравого смысла» (Томас Джефферсон, третий президент Америки);

■ «Закон должен быть ясен, точен, однообразен; истолковывать его — значит искажать его» (Наполеон Бонапарт).

Практика как критерий истины тоже не помогла. Привожу случай, взятый из собственной базы данных и в свое время превративший государственного эксперта в частного.

Свобода, убеждение и совесть следователя

Бандиты пытались разжиться путем банальной экспроприации чужой собственности. Два эпизода (покушения на иномарку и доход предпринимателя) принесли только 50 тыс. рублей и новую встречу с Уголовным кодексом. Оказавшись в следственном изоляторе в декабре 2007 г., неудачники ждали обвинительного заключения и неминуемого суда.

Нарушил безмятежное течение следственного процесса организатор группы, для которого эта «ходка» была уже четвертой. К своему головному мозгу он по жизни относился беспощадно: четыре черепно-мозговые травмы, отравление выхлопными газами, эпилептические приступы. В следственном изоляторе ночью, обидевшись на предъявленное ему 24 декабря 2007 г. обвинение, набросил петлю на шею. Для спасения от гипоксической энцефалопатии (дистрофические изменения головного мозга на почве гипоксии — кислородного голодания) пришлось конвоировать его в реанимацию городской больницы. Однако 18 марта 2008 г. амбулаторная комиссия судебно-психиатрической экспертизы его душевное здоровье одобрила. В начале апреля 2008 г. у него нарушилось мозговое кровообращение. Он оказался в психоневрологическом отделении ФБУ Областная больница УФСИН России по Тюменской области. Время шло, а больной поправляться не спешил.

15 мая 2008 г. в ходе допроса заведующий отделением заверил следователя СО СУ СК при прокуратуре, что А.М. Субботин закончит лечение к концу мая 2008 г. Прогноз доктора не сбывался. Видимо, не был согла-

сован с начальством и самим больным. Торопливость следователя «спровоцировала» ухудшение, когда после судорожного приступа на фоне гипертонического криза появились симптомы повторного острого нарушения мозгового кровообращения в правом полушарии. Тюремные эскулапы стали давить на следователя:

■ 19 июня 2008 г. начальник областной больницы подписал письмо, подготовленное заведующим отделением, о том А.М. Субботин «участвовать в следственных и иных процессуальных действиях не может»;

■ 20 июня 2008 г. специальная врачебная комиссия областной тюремной больницы решила, что имеются основания для представления к освобождению в связи с тяжелым заболеванием и А.М. Субботин нуждается в изменении меры пресечения «содержание под стражей». Обвиняемый мог уйти на подписание к невыезде законным «медицинским» путем. Но следователь предпринял контрмеры:

■ 1 июля 2008 г. из уголовного дела № 200732059/34 выделил уголовное дело № 20080132/34 в отношении А.М. Субботина;

■ сообщников отправил в суд, который успешно приговорил их к неволе;

■ 18 июля 2008 г., чтобы разобраться в состоянии здоровья подсудимого, назначил Государственному учреждению Тюменской области «Областное бюро судебно-медицинской экспертизы» комиссионную медицинскую судебно-экспертную экспертизу.

Такая экспертиза, по моему глубокому убеждению, может проводиться только с обследованием больного экспертной комиссией. О незыблемости принципов мы условились со следователем «на берегу». 30 июля 2008 г. экспертная комиссия оказалась в тюремной больнице у койки А.М. Субботина, не только обвиняемого в экспроприации, но и подозреваемого в аггравации (преувеличение больным симптомов действительно имеющегося заболевания).

Под надзором заведующего отделением и следователя мы изучили амбулаторную и стационарную истории болезни. Невропатолог непосредственно обследовал подэкспертного и был склонен считать его симулянт (человеком, имитирующим симптомы болезни, которой у него нет).

Удовлетворительная неврологическая симптоматика соответствовала тому, что после кровоизлияния в мозг прошло пять месяцев. Смутила неадекватность поведения главара, который пребывал в необъяснимой прострации (резкий упадок психического тонуса в сочетании с речевой и двигательной заторможенностью, выраженным снижением или отсутствием реакции на внешние раздражители).

Осторожность склонила меня к проведению компьютерной томографии. Следователь выполнил наше ходатайство, для чего ему пришлось вывезти конвоируемого на носилках в гражданскую больницу. Компьютерная томограмма соответствовала изменениям при перенесенном правостороннем инсульте. И после томографии я не представлял себе, как с этим живым трупом будут осуществляться следственные действия. Что-то неземное ускользало от нас. Неужели перед нами новоявленный Камо (революционер, который, спасая свою жизнь, искусно симулировал сумасшествие и нечувствительность к боли, чем озадачил лучших врачей Европы)? Я решил, что состояние больного надо посмотреть в динамике. Поэтому в выводах написал, что «необходимость лечения в больнице в условиях стационара препятствует участию в следственных действиях. Целесообразно повторить экспертизу, когда А.М. Субботин будет выписан из стационара на амбулаторное лечение». Под амбулаторным понималось лечение в медсанчасти следственного изолятора.

Следователь, имея свое внутреннее убеждение, не стал ждать амбулаторной стадии лечения. Получив 16 сентября 2008 г. заключение, он через неделю обратился в наше же экспертное учреждение повторно, обосновав это тем, что выводы комиссии «вызывают сомнения». Повторная экспертная комиссия, возглавляемая моим начальником и с участием заведующей кафедрой неврологии, за неделю, не проведя осмотра больного, выдала полностью противоречащий вывод — «заболевания не являются препятствием для совершения следственных действий». Совесть следователя позволила из двух претендентов на доказательства выбрать «самое доказательное». 27–28 октября

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

13

ЭКСПЕРТИЗА

2008 г. он зачитал вслух над безучастным телом А.М. Субботина все четыре тома уголовного дела. Сие действо скрепили подписи понятых.

1 ноября 2008 г. больной «получить обвинительное заключение отказался, причину не пояснил, от подписи в каких-либо документах отказался». Так он поступал уже полгода, даже очутившись после инсульта. Несознательность подследственного удостоверяли в акте ответственный дежурный колонии в чине майора и заведующий психиатрическим отделением тюремной больницы.

В обвинительном заключении следователь не упомянул о первой комиссионной экспертизе, следовательно, исключил ее из числа доказательств (ч. 3 ст. 88 УПК РФ).

И направил больного в суд. На законном, обратите внимание, основании.

Свобода, убеждение и совесть судьи

В соответствии со ст. 247 УПК РФ в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который... уклоняется от явки в суд.

Судья Калининского районного суда г. Тюмени многоопытный Дягилев Роман Вячеславович, ранее вынесший обвини-

тельный приговор поделщикам А.М. Субботина, пытался добиться конвоирования главара в суд. Но тюремные врачи более двух месяцев противились конвою, ссылаясь на нетранспортабельность больного. Так без участия «постинсультника» прошли заседания, назначенные на 11, 24 ноября, и другие. Судья мог бы пойти по пути, проторенному следователем с помощью подыгрывавших ему профессоров от судебной медицины и неврологии. Счесть А.М. Субботина за уклониста (ст. 247 УПК РФ) и зачитать обвинительный приговор в его отсутствие. И делу № 1-812-08 конец!

Но, в отличие от экспертов повторной комиссии, он хотел лично увидеть подсудимого. Врачи, устав бороться с судьей за больного, перевели его 2 декабря 2008 г. на стационарное лечение в медсанчасть следственного изолятора. Здесь доктор оказался поговорчивее и отпустил 26 января 2009 г. пациента на встречу с Р.В. Дягилевым. Она оказалась единственной. Конвой привез его на каталке, прикрытой белой простыней. Завозить эту беспомощность в железную клетку было бессмысленно. И снова судье предоставлялась

возможность отличиться — опираясь на заключение повторной экспертизы, зачитать над бездыханным подсудимым обвинительный приговор. И с чистой совестью — дело в архив!

Судью, не владевшего свободой оценки доказательств, выручил адвокат, разузнавший

При оценке доказательств следует руководствоваться совестью.

Полагаю, что законодатель имеет в виду какую-то процессуально-должностную совесть, никем не регламентированную. Поэтому, например, совет следователя ликует от избытка имеющихся в уголовном деле доказательств, обвинительного заключения и полученной премии, а судья выносит по этому же делу оправдательный приговор, не испытывая угрызений совести.

еще до передачи дела в суд о психическом заболевании подзащитного: 3 октября 2008 г. заведующий отделением впервые выставил в истории болезни психиатрический диагноз «апат-абулический синдром психогенной этиологии на фоне органического поражения головного мозга». Это позволяло объяснить протрацию больного.

Допрошенные судьей заведующий психоневрологическим отделением тюремной областной больницы и врач-психиатр медсанчасти следственного изолятора были единодушны. Ходатайство защитника о проведении стационарной судебно-

психиатрической экспертизы поддержали прокурор и даже потерпевший предприниматель. Все, кроме следователя, тоже, кстати, совестливого (а чем опровергнешь?!), усомнились в доказательственности второго экспертного заключения.

Судья назначил психиатрическую экспертизу. В отделении судебно-психиатрической экспертизы Тюменской областной клинической больницы, так называемом 14-ом стражном, за подэкспертным наблюдали врачи со стажем работы 42 (профессор и заведующий кафедрой), 37 и 22 года. Через месяц стационарная экспертиза распилась в своей беспомощности: «В связи с неясностью клинической картины для уточнения диагноза (какого, не указано. — А.С.) и решения экспертных вопросов направить А.М. Субботина в Государственный научный Центр социальной и судебной психиатрии имени Сербского г. Москва». Это судья и сделал 23 апреля 2009 г.

Подсудимого и пять томов уголовного дела № 1-41-09 спецвагон притащил в Москву. Дальше отступать было некуда. В мае 2009 г. в амбулаторных условиях следственного изолятора за один день здесь разо-

брались, что А.М. Субботин не может «правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания... нуждается в направлении в психиатрический стационар специализированного типа».

14 июля 2009 г., когда заключение москвичей прибыло в Тюмень, судья Р.В. Дягилев в отсутствие больного освободил его от уголовной ответственности и назначил принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа. На 27 страницах постановления он даже не упомянул о противоречивых комиссионных судебно-медицинских экспертизах. После заключения столичных психиатров они уже ничего не значили.

Послесловие

Так свобода оценки всего лишь двух противоречивых экспертиз санкционировала полярные решения следователя и судьи. Внутреннее убеждение и совесть оказались у них разными. Только закон — един, но в одиночестве — бессилён.

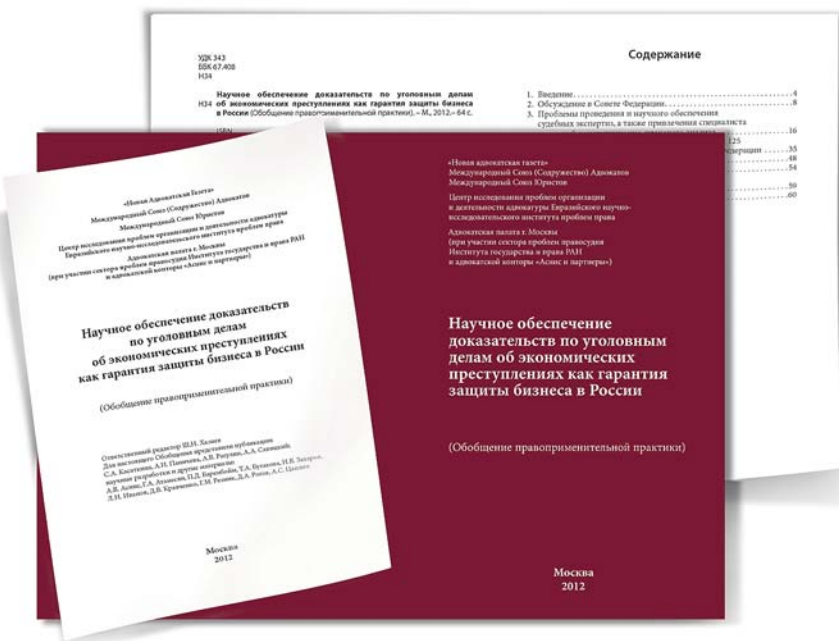
Преступника заботливо и безнадежно врачуют в «психушке». Следователь переключился на уголовное преследование эксперта, посмевшего перечить его совести, и продолжил испытывать на мне свободу оценки доказательств. Но это уже другая история. **АГ**

ОБОБЩЕНИЕ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

В настоящее время готовится к изданию брошюра «Научное обеспечение доказательств по уголовным делам об экономических преступлениях как гарантия защиты бизнеса в России».

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Издание подготовлено АП г. Москвы (при участии сектора проблем правосудия Института государства и права РАН и адвокатской конторы «Аснис и партнеры») при поддержке «АГ», Международного союза адвокатов, Международного союза юристов, Центра исследования проблем организации и деятельности ад-

вокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

В издании обобщен практический опыт адвокатов России и научные разработки ученых-юристов по проблеме научного обеспечения доказательств по уголовным делам об экономических преступлениях.

Данное издание является продолжением предва-

рительного обобщения проблем адвокатской практики, подготовленного АП г. Москвы при участии «АГ» и адвокатской конторы «Аснис и партнеры», вышедшего в апреле 2012 г. под названием «Конституционно-правовые проблемы научного обеспечения расследования и судопроизводства по делам об экономических преступлениях и соблюдения права

на квалифицированную защиту при назначении и проведении экспертиз, а также получении и применении заключения специалистов» (см. «АГ» № 9 (122)). Указанное предварительное обобщение было разослано в адвокатские палаты с просьбой присылать практические материалы по данной проблеме. Новое обобщение подготовлено с учетом присланных адвокатами материалов.

Публикуется текст заключения Экспертно-консультативного совета по конституционному законодательству при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества «О конституционно-правовых проблемах уголовно-правовой политики в России: соотношение понятий и терминов, используемых в уголовном праве и в судебной практике, с правовыми нормами и понятиями, используемыми в гражданско-правовой науке, и научное обес-

печение доказательств по делам об экономических преступлениях». В заключении содержится ряд важных конституционно-правовых выводов, в том числе связанных с законодательной и методической базой экспертиз и экспертной деятельности, а также с процессуальными проблемами, влияющими на степень равенства сторон в уголовном процессе.

Проанализированы проблемы проведения и научного обеспечения судебных экспертиз, а также привлечения специалиста с позиций конституционно-правового анализа. Приводится конституционно-правовой анализ ч. 1 ст. 125 УПК РФ. Обобщена российская практика по проблеме научного обеспечения доказательств по уголовным делам об экономических преступлениях. Приведена международная практика. И, наконец, рассматривается вопрос о неквалифицированной защите по уголовным делам.

Указывается, что адвокатура, исполняя свою

законодательную обязанность по осуществлению функций института гражданского общества, привлекает внимание гражданского общества, деловых кругов, правоохранительных органов России к вопросу о недостаточном научном, методическом и процессуальном уровне проведения экспертиз, что на практике приводит к нарушению норм Конституции РФ и права предпринимателей на защиту.

Со ссылкой на международные стандарты говорится о том, что для повышения законности по делам об экономических преступлениях и создания благоприятной обстановки в отношениях государства и бизнеса следует рассмотреть вопросы проведения экспертиз по делам об экономических преступлениях с точки зрения обеспечения принципов Конституции РФ о равенстве и состязательности сторон, обеспечения квалифицированной защиты и соблюдения презумпции невиновности. **АГ**